

К изучению социально-правового статуса севернорусских соборных церквей в XV-XVII вв.: (на примере Великоустюжского Успенского собора)

М.С. Черкасова

В формировании и функционировании церковной организации в средневековой Руси, в том числе и на севере, заметную роль играли городские соборы с состоявшими при них клиросами. Я.Н. Шапов считает их важной формой церковных организаций до XV в.¹ В них велась ежедневная служба («вседневное пение»), их священнослужители исполняли административно-судебные и налоговые функции в масштабе своего города, они имели значение коллективного органа управления городскими церквями. В последующие столетия значение соборных церквей не уменьшилось. Кремлевское духовенство Москвы участвовало в земских и церковных соборах XVI-XVII вв.² Возмещение за «бесчестье» соборных протопопов и протодьяконов, установленное Уложением царя Алексея Михайловича 1649 г., значительно превышало аналогичное для рядового белого духовенства³. Между тем соборные церкви северных городов (Белоозера, Вологды, Сольвычегодска, Тотьмы, Устюга) и посадов (Вельска, Верховажья, Лальска, Холмогор, Шенкурска) изучены еще недостаточно. Их исключительно важная административно-судебная роль уясняется также и с учетом редкой городской сети на огромных пространствах русского севера. В этой связи обращение к данной проблематике представляется научно актуальным. В предлагаемой статье речь пойдет о статусе Успенской соборной церкви в Устюге — опорном центре Ростовской архиерейской кафедры на севере.

По мнению В.П. Шильниковской, Устюжская Успенская церковь восходила к первоначальной деревянной церкви в пределах ранних го-

---

¹ Шапов Я.Н. Соборные церкви и монастырские организации в русском городе до XV в. // Шапов Я.Н. Очерки русской истории, источниковедения, археологии. М., 2004. С. 61-66.

² Шапошник В.В. О представительстве белого духовенства на церковных и земских соборах середины XVI — начала XVII в. // Русская религиозность: Проблемы изучения / Сост. А.И. Алексеев, А.С. Лавров. СПб., 2000. С. 115-120.

³ Соборное Уложение 1649 года / Руковод. авторского коллектива А.Г. Маньков. Л., 1987. С. 37 (гл. X, ст. 85, 87).

родских укреплений около середины XII в.⁴, а древнейшее письменное известие о ней (освящение ростовским епископом Тарасием) относится к 1290 г.⁵ Краевед В.П. Шляпин считал, что после переноса города с Гледена на Устюг в начале XIII в. население последнего формировалось вокруг двух центров — Успенской церкви и Михайло-Архангельского монастыря⁶. В.П. Шильниковская, на наш взгляд, более точна, подчеркивая значение древнейшей в Устюге приходской церкви во имя епископа Леонтия Ростовского, ставшей центром торгово-ремесленной слободы Верхнего конца (посада)⁷. В самом деле, не случайно в писцовых и переписных книгах XVII в. отмечены Пречистенская сотня, «Пречистенской сотни Леонтьевская слобода Верхнего конца»⁸. Сами же храмоименования — Успенский собор, Леонтьевская церковь — красноречиво указывают на их изначальную связь именно с древним Ростовом.

В литературе приведены факты из истории собора — пожары, различные разграбления, следовавшие за ними возобновления, этапы деревянного, а затем и каменного строительства⁹. Сохранился комплекс источников, отразивших разнообразную деятельность соборного духовенства, — актов, делопроизводственных и писцово-переписных. В 1841 г. бывший протоиерей собора Николай Румовский обнаружил опись соборного архива, а также 17 жалованных грамот (большинство которых — в подлинниках) и частных актов XV-XVII вв. Эти источники он опубликовал в 1862 г.¹⁰ В «Хронологических перечнях иммунитетных грамот XVI в и до 1610 г.» (начатых С.М. Каштановым, а затем продолженных им же, а также В.Д. Назаровым, Б.Н. Флорей и Д.А. Тебекиным) указанные Румовским публично-правовые акты были учтены¹¹. На основании жалованных грамот собору С.М. Каштанов обстоятельно проанализировал эволюцию его

⁴ Шильниковская В.П. Великий Устюг. Развитие архитектуры города до середины XIX в. 2-е изд. М., 1987. С. 32-33.

⁵ Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X-XIV вв. М., 1984. С. 125-126 и прим. 6; Устюжский летописный свод. М.-Л., 1950. С. 49.

⁶ Шляпин В.П. Из истории города Великого Устюга // Север. 1927. № 2 (6). С. 10-11.

⁷ Шильниковская В.П. Великий Устюг.. С. 63.

⁸ Устюг Великий. Материалы для истории города XVII-XVIII вв. М., 1883. С. 9, 144.

⁹ См.: Мельник А.Г. К истории первого каменного собора Великого Устюга // Русская религиозность: Проблемы изучения. СПб., 2000. С. 78-83.

¹⁰ Румовский Н. Описание Великоустюжского Успенского собора. Вологда, 1862.

¹¹ Каштанов С.М. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. Ч. 1. // АЕ за 1957 год. М., 1958. № 57, 79, 141; XII. Ч. 2 // АЕ за 1958 г. М., 1960. № 598; XII. Ч. 3. Дополнение // АЕ за 1966 г. М., 1968. № I-239; Тебекин Д.А. Перечень иммунитетных грамот 1584-1610 гг. Ч. 1 // АЕ за 1978 год. М., 1979. № 203, 224; Ч. 2 // АЕ за 1979 год. М., 1981. № 371, 681, 707.

судебно-податного иммунитета, свидетельствующего о привилегированном статусе данного учреждения в первой половине XVI в.¹²

О формировании землевладения собора можно говорить для середины XV в., однако его состав и процесс дальнейшего роста требуют специального рассмотрения, что углубило бы и само понимание иммунитета, поскольку более конкретно раскрыло территориальную направленность жалованных грамот. В ранний период успенскому «протопопу с товарищи» уже принадлежали две деревни — Крилоское и Кушево, на которые при ростовском архиепископе Трифоне (в 1462-1467 гг.) была получена не дошедшая до нас жалованная подтвердительная грамота великого князя Ивана III. Она упоминается в указной грамоте великого князя своему тиуну на Устюг Семену Исакову, датированной И.А. Голубцовым 1467-1481 гг. Инициирована же она была, что интересно, городской общиной Устюга: «Бил ми челом Федко Жюголев ото всех устюжан о попех Пречистые зборные церкви Устюжские». Таким образом, соборное духовенство изначально не получало ругу, а обеспечивало себя за счет зависимого населения своих вотчин. В указной говорится, что деревни, пожалованные собору великим князем¹³, предназначались для богослужения («на проскуры, темьян и свечи»). Название первой деревни оказалось созвучно соборному «крилосу» (позднее, правда, она писалась, как Крыловская) и может указывать на корпоративный способ владения данной землей «крылошанами». Одновременно великий князь запретил захват ростовским архиепископом Вассианом соборных деревень (захват этот, судя по всему, у горожан Устюга тоже вызвал недовольство) и распространение на богородицких крестьян прерогатив его десятильников и посельских¹⁴. Такого же типа — не ружной, а имевшей свое землевладение — являлась церковь Дмитрия Солунского Дымковского прихода на противоположной стороне р.Сухоны¹⁵.

Устюжскому протопопу с братией предоставлялось право самим «судить и рядить» крестьян упомянутых деревень, и сохранившиеся в соборном архиве порядные записи XVI-XVII вв. эту практику подтверждают. Иван III предписал ростовскому архиепископу Вассиану выдать Успенскому собору несудимую грамоту от въезда десятильников и на право суда над причтом великого князя (в делах гражданских) или самого владыки (в делах духовных). При подтверждении грамоты дьяком Алексеем Полуектовым (до 1467-1468 гг.) был установлен один срок предъявления исков со стороны ростовских десятильников устюжскому протопопу

---

¹² Каштанов С.М. Финансы средневековой Руси. М., 1988. С. 101-104, 153.

¹³ О великокняжеских владениях здесь см.: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. М.-Л., 1950. № 20. С. 56; № 21. С. 58; № 22. С. 61. Далее — ДДГ.

¹⁴ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. М., 1964. Т. 3. № 281. Далее — АСЭИ.

¹⁵ Попов А. Дымковская Димитриевская церковь в г. Устюге. Вологда, 1875.

«з братьею» перед великим князем или архиепископом – Сретенью. Налицо компромисс Ивана III и Ростовской архиерейской кафедры в отношении судебного статуса данного собора, разделение судебных полномочий по принципу гражданской и церковной юрисдикции. Между тем наиболее общим правилом для XV в. была подсудность духовенства (по крайней мере монастырей) великому князю, а не церковным иерархам¹⁶.

В следующей по времени жалованной грамоте Ивана III (июнь 1490 г.) в статье, изымающей из судебного иммунитета протопопа дела о душегубстве и разбое с поличным, наряду с наместниками и тиунами великого князя, отмечены тиуны великой княгини¹⁷. Это указывает на наличие на Устюге в XV в. владений жен великих князей (впервые упомянутых еще в ранних вариантах духовной Василия I как полученных ими из числа «Федоровских сел Свиблова» и его собственных «примыслов»). За последовавшее после Василия I время их состав разросся, поскольку в докончании Ивана III с кн. Андреем Васильевичем Угличским 1473 г. на Устюге фигурируют села, переданные Андрею их матерью Марией Ярославной – Левонтьевское, Пятницкое, Воскресенское в Вондокурье, Словенское, Мануиловское¹⁸. После лишения кн. Андрея Угличского всех прав в 1493 г. эти села вновь могли быть отданы Иваном III во владение великой княгине – на тот момент, скорее всего, Софье Палеолог.

О наличии владений великих князей и княгинь (с 1547 г. – царей и цариц) в разных местах Устюга в первой половине XVI в. известно по актам Михайло-Архангельского монастыря. Местоположение передаваемых ему участков определялось в них как «Воронинская (или Захаровская, Жилкина) земля царицы и великой княгини на Устюге на посаде в Леонтьевском конце». Размер их определялся в мелких долях «плуга» (окладной единицы)¹⁹. Топонимы Княгинин остров в Пятницком конце, д. Княгинина на Котовале, д. Княжица Есловецкая, д. Княшина Федоровская, Княжеселье, д. Тиунцова в изобилии отмечены также в актах и писцовой книге города 1623-1626 гг.²⁰ И они свидетельствуют о существовании землевладения и административных агентов великих князей/царей и княгинь/цариц на Устюге. Упоминание в актах их тиунов с соответствующими налоговыми и судебными прерогативами отражает реальное положение вещей. Однако из актов середины 1550-х – начала

¹⁶ Каштанов С.М. Финансы средневековой Руси... С. 134.

¹⁷ АСЭИ. Т. 3. № 282.

¹⁸ ДДГ. № 70. С. 243, 248.

¹⁹ Шляпин В.П. Из истории города Великого Устюга... С. 11-12; Шляпин В.П. Акты Велико-Устюжского Михайло-Архангельского монастыря. Великий Устюг, 1912. Ч. 1. С. 7, 9, 12, 14, 16, 22, 24, 26, 30

²⁰ Шляпин В.П. Акты... С. 33, 41, 70, 71 («староста Княжесельской»), 104, 107-111, 115-116, 132-133, 134, 139, 142, 144; Ч.2. Великий Устюг, 1913. С. 135-136, 315; Бысть на Устюзе... Историко-краеведческий альманах. Вологда, 1993. С. 226 (публикация Ю.С. Васильева, Р.П. Биланчука и С.Е. Замараева).

1560-х гг. тиуны великих княгинь и цариц исчезают²¹. Предельно поздним отголоском налоговых и судебных прерогатив тиунов как таковых станет фраза «ни тиуново не дают», включенная в общую жалованную грамоту Михайло-Архангельского монастыря от 3 апреля 1623 г.²²

На фоне растущей церковной сети Устюга в конце XV – начале XVI в. Успенская соборная церковь воспринималась как «великая»²³. Прописанные в иммунитетных грамотах XV в. принципы были перенесены в последующие жалованные грамоты Успенского монастыря. Так, в грамоте Василия III от 11 августа 1507 г. на имя протопопа Григория с братией, выданной по приказу казначея Дмитрия Владимировича Ховрина, был четко проведен принцип разграничения светского и духовного суда над соборными причетниками: в гражданских делах – самого великого князя, в духовных – ростовского архиепископа. Вместе с тем, в отношении освобождения вотчинного населения соборных деревень от кормов, ее запретительная статья включала, наряду с великокняжеским наместником и тиуном великой княгини, также владычного десятильника. Принцип этот сохранял свое действие и в дальнейшем, судя по подтверждению в июле 1538 г., подписанному дьяком Федором Мишуриным²⁴. В 1516 г. потребовалось напоминание устюжскому наместнику кн. И.И. Холмскому и тиуну великой княгини С.С. Левашеву о невзимании с деревенского населения Успенского собора кормов и подымного. Грамота эта также получила подтвердительную подпись от имени великого князя Ивана Васильевича, оформленную дьяком Федором Мишуриным в июле 1538 г.²⁵ В грамоте Ивана IV от 20 февраля 1549 г. на жителей богородицких деревень было распространено освобождение еще от одной обременительной государственной повинности – «городового дела». С.М. Каштанов подчеркивает важность такого освобождения с учетом особого значения данной повинности именно в Устюге, который подвергался частым набегам казанских татар²⁶. В целом, как убедительно показал ученый, в 1549 г. судебный и налоговый иммунитет собора был расширен по сравнению с 1507 г.

Новой клаузулой в грамоте 1549 г. стал запрет для «боярских людей и иных хто ни буди» являться незванными на пиры и братчины к «тем церковным хрестьяном». В подтвердительную подпись 17 мая 1551 г. дьяка

²¹ Шляпин В.П. Акты...С. 56-57, 154; Ч. 2. Великий Устюг, 1913. С. 125, 126.

²² Там же. Ч. 2. С. 131.

²³ Попов А. Описание церкви св. правед. Иоанна, устюжского чудотворца. Вологда, 1862. С. 8.

²⁴ Румовский Н. Описание Великоустюжского Успенского собора. С. 63-65; Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 272. В публикации Румовского имя Дмитрия Владимировича ошибочно указано после подтверждения 1538 г. На грамоте 1516 г. подтверждение 1538 г. именем никакого Дмитрия Владимировича не сопровождается.

²⁵ Румовский Н. С. 66-67.

²⁶ Каштанов С.М. Финансы средневековой Руси... С. 101.

Юрия Сидорова было включено положение о суде ростовского владыки над соборянами «во всем» (то есть и в светских, и в гражданских делах)²⁷. По наблюдениям С.М. Каштанова, подчинение настоятелей судебной власти Ростовского архиепископа тогда же было закреплено в грамотах ряда других монастырей – Ферапонтова, Троицкого Усть-Шехонского, Троице-Гледенского²⁸. Такое подчинение было введено в соответствии со статьей 67-й Стоглава, отражая его дух, но, правда, как показал ученый, не вполне последовательно.

В начале 1520-х гг. было проведено первое описание «богородицких деревень» писцом Андреем Васильевичем Карамышевым²⁹, после чего рост соборного землевладения продолжался, и не случайно грамота 1549 г. имела обширную вотчинную часть, воспроизводимую в дальнейшем в ряде жалованных грамот. По-видимому, к середине XVI в. налоговый статус богородицких земель стал двойким. Этот факт устанавливается на основе грамоты Ивана IV от 12 июля 1558 г., относящейся к периоду проведения на Устюге земской реформы. Крестьяне и половники старых богородицких деревень, зафиксированных еще в письме «Ондрея Карамышева», не должны были платить земским судейкам «оброк за наместнич и волостелин и пошлинных людей доход» и быть ими судимы. Вероятно, это свидетельствует о стремлении правительства в отношении Успенского собора следовать принципам грамот 1507 и 1516 гг. с их подтверждениями в 1538 г. и грамоты 1549 г. с ее подтверждением 17 мая 1551 г. Поэтому соборные власти попытались оспорить, а правительство – пресечь начавшееся в ходе проведения земской реформы спонтанное нарушение выборными людьми прописанных в указанных грамотах принципов, когда в системе местного управления функционировали наместники и тиуны, но делалось это избирательно. В отличие от крестьян старых деревень, сельское население новых деревень, купленных самим собором или полученных им от устюжан «за родителей в поминок», записанных Карамышевым как волостные, в налоговом и судебном отношении не должно было отличаться от остального земского мира. Налицо, полагаем, «вариативно-иммунитетное право» (выражение С.М. Каштанова), отсутствие полной унификации налоговых форм³⁰.

Об особом порядке уплаты государственных налогов, отдельно от земских людей, говорилось в грамотах, подписанных дьяком Елизарием Вылузгиным и посланных им на Устюг из Четверти в 1591-1592 гг.³¹ Грамотой царя Михаила Федоровича Романова от 21 марта 1614 г. для собора, по-прежнему не получавшего руги и милостыни от государя,

²⁷ Румовский Н. Указ. соч. С. 66-67.

²⁸ Каштанов С.М. Финансы средневековой Руси... С. 133.

²⁹ Писцовые книги Русского Севера / Отв. сост. Н.П. Воскобойникова. М., 2001. С. 343.

³⁰ Каштанов С.М. Финансы средневековой Руси... С. 90.

³¹ Румовский Н. С. 82.

был установлен размер выплаты «данных денег» в 10 руб. 28 алт. 3 ден. как эквивалент «городовому делу и четвертным доходам»³². На 1620-е гг. приходится еще один этап унификации церковно-монастырского иммунитета, когда на все духовные учреждения России была распространена обязанность платить стрелецкие хлебные запасы, выполнять городовое и острожное дело.

Успенский собор в 1620-е гг., скорее всего, общей жалованной грамоты не получил, поскольку среди актов, обнаруженных Н. Румовским, таковой нет. В 1626 г. оброк для него, как эквивалент стрелецким деньгам и сибирским хлебным запасам, составлял 16 руб. 23 алт. 3 ден., которые он с 14,5 деревень и 9 $\frac{1}{4}$ вытей, согласно писцовым книгам Н. Вышеславцева 1628-1629 гг., выплачивал отдельно от волостных людей в приказную избу Устюга³³. В 1657-1658 гг. полный оклад государственных налогов с вотчин соборной церкви составлял 16 руб. 23 алт. 3 ден. — это было больше оклада Троице-Гледенского монастыря (11 руб.) и значительно меньше оклада крупнейшего устюжского монастыря — Михайло-Архангельского (140 руб.)³⁴. В 1660-1680-е гг. богородицких половников не должны были брать в даточные люди и солдаты «в пехотный строй»³⁵. С переходом на дворовое обложение в 1678-1680 гг. обязанность уплаты стрелецких денег была распространена и на него — Успенский собор должен был их платить в съезжую избу города «с дворового числа» — по рублю с каждого из своих 28 дворов³⁶.

Из судебных прерогатив соборного причта в XVI в. по-прежнему изымалось душегубство, татьба и разбой с поличным. Сам же протопоп с братией в отношении духовного суда подчинялись Ростовскому владыке. В жалованной грамоте Ивана IV 1549 г. говорилось о суде над протопопом Дементием, соборными священниками и дьяконами царя или его казначея (и как раз двумя казначеями она была подписана — И.И. Третьяковым и Ф.И. Сукиным). И хотя при ее подтверждении в мае 1551 г. была сделана явная уступка в сторону церковного суда³⁷, при Борисе Годунове был закреплен другой порядок. Об этом свидетельствует выданная им в 1599 г. успенскому протопопу новая жалованная грамота, в которой речь шла уже о суде над соборным причтом царя или его дворецкого³⁸.

---

³² Румовский Н. С. 97-88.

³³ Там же С. 99.

³⁴ Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Т. 3. СПб., 1884. № 317.

³⁵ Румовский Н. С. 90-94, 97; Писцовые книги Русского Севера. С. 350-355 (в соответствующих переписных книгах владений соборной церкви нет).

³⁶ Румовский Н. С. 103-104.

³⁷ Там же. С. 87-73. Грамота 1549 г. имела подписи казначеев И.М.Третьякова и Ф.И.Сукина, майская подпись 1551 г. была сделана дьяком Юрием Сидоровым, а подпись 8 июля 1585 г. — дьяком Дружиной Петелиным.

³⁸ Там же. С. 71-77.

Многочисленными подписями грамоты 1599 г. в XVII в. (в 1608, 1613, 1648, 1676, 1684 гг.) подтверждалось действие прописанных в ней принципов. Поэтому-то, вероятно, и не потребовалось Успенской соборной церкви новой жалованной грамоты в 1620-е гг.

Городское дворовладение членов соборного причта облагалось государственными «подымными деньгами» в соответствии с их статусом: при разверстке в 1639 г. этого платежа со двора протопопа было установлено 3 руб. 15 алт., со дворов ключаря и протодьякона — по 2 руб. 15 алт., со дворов каждого из четырех попов и каждого из двух дьяконов — по 1 руб. 21 алт. 2 ден.³⁹ Существенной частью в хозяйственной деятельности собора было разрешенное ему по царской грамоте на имя протопопа Василия Кондратьевича из Устюжской Четверти за приписью дьяка Михайла Смывалова 1625 г. винокурение, пивоварение «с явкою», топление бань и изб по 2 дня в неделю «с береженьем». В 1646 г. это право было подтверждено на имя протопопа Владимира Никитина⁴⁰.

Известны поминальные вклады устюжан деньгами в соборную церковь. В духовной К.А. Буковой 1605 г. в ее казну предназначался 1 руб., «да протопопу с братией на молебен 2 алт.»⁴¹. Соборное духовенство в качестве свидетелей привлекалось к оформлению духовных грамот и поземельных сделок. В 1595 г. ключарь Андроник присутствовал при составлении отмерной и отдельной записи между Михайло-Архангельским монастырем и ростовским владыкой Варламом и подписал ее⁴². В завещании старицы-вдовы Улиты Босой 1658 г. соборной церкви предназначалось 300 руб. «в колокол» и еще 50 руб. на поминовение их рода, а соборный протопоп, протодьякон и ключарь были указаны среди «сидельцев у духовной»⁴³. Соборные ключари предоставляли деньги в долг церковным старостам городских храмов⁴⁴.

В структуре соборной земельной собственности корпоративное начало весьма ощутимо дополнялось частнофеодальным: отдельные деревни «Богородской вотчины» отдавались во владение членам причта. В 1628 г. дьякон Гаврило подал челобитную протопопу Василию Кондратьевичу о передаче ему трех деревень умершего протодьякона Нестора Тимофеева. Челобитчик скромно упоминал о том, что он беспорочно работает (именно так, а не «служит»!) в соборе уже 16 лет и полученной когда-то деревеньки ему явно недостаточно⁴⁵. Из трех просимых деревень Гавриле по соборному

³⁹ РИБ. Т. XII (Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Т. 1). СПб., 1890. № 39.

⁴⁰ Румовский Н. С. 88-90.

⁴¹ Шляпин В.П. Акты... Ч. 1. С. 37.

⁴² Там же. С. 43-44.

⁴³ РИБ. Т. XII. № 73.

⁴⁴ Румовский Н. С. 123.

⁴⁵ РИБ. Т. XII. № 30.

приговору были даны две, а третью оставили у протодьяконовой вдовы⁴⁶. Когда в 1637 г. из-за весеннего половодья на устье р. Лузы деревня еще одного соборного дьякона была сильно повреждена (поля засыпало песком, дворы и избы снесло льдом), то причт приговором, «сыскав в сердцах своих правду», придал ему еще одну деревню «Богородской вотчины»⁴⁷. При смене владельцев деревень из числа соборного причта практиковалось также составление хозяйственных описей, подписываемых остальными «соборьянами» во главе с протопопом⁴⁸. К распределению деревень между соборьянами («верстанию») был причастен сам ростовский митрополит. Так, с ведома Ионы Сысоевича и с доклада протопопу Максиму, в 1678 г. два успенских пономаря поровну поверстались крестьянскими дворами в своих «вытных деревнях» с правом поряжать в них половников и вообще «промышлять сами про себя, друг на друга не надеясь»⁴⁹.

Младшие члены соборного причта получали от соборного руководства фиксированное натуральное и денежное жалованье на год «по ряде найму». В 1678 г. просвирне Прасковье Митрофановой было выдано 2 руб. и по пол-мере разного хлеба — ржи, ячменя и овса⁵⁰. Дьякон Дмитрий Иванов в 1670 г. по приговору протопопа с братией получил на год по 5 мер ржи, овса и 2 меры ячменя. Хлеб был произведен в Богородской домово́й («вытной») деревне Павшиной⁵¹. И число получаемых домовых деревень, и величина жалованья зависели от места данного священно- или церковнослужителя на иерархической лестнице и соответствующего дохода от отправляемых духовенством треб.

За конец XVI — XVII вв. сохранилось несколько порядных записей (по сути — договоров) местных крестьян, поступавших в половники в деревни Успенского собора. Писали эти договоры представители местного духовенства или же архиерейские площадные подьячие в самом Устюге. В конце документов указывалось на одного-двух послухов, но их подписи приводились не всегда. Заключались такие договоры обычно в интервале от октября до декабря, когда заканчивался сельскохозяйственный сезон, сбор нового урожая и сев озимых, на срок от двух до четырех лет. В редких случаях отмечены весенние порядные, заключенные в апреле. Во всех порядных фигурирует «Егорьев день осенний» как срок выхода половников и прекращения действия договора с Успенским протопопом с братией, выполнения всех взятых половниками обязательств. На этот же срок в течение действия договора устанавливалась и выплата половничьего оброка, например, в размере 1 руб. 20 алт., как указано в порядной Л.П.

---

⁴⁶ РИБ. Т. XII. № 32, 33.

⁴⁷ Там же. № 38.

⁴⁸ Там же. № 31.

⁴⁹ Там же. № 72.

⁵⁰ Там же. № 69.

⁵¹ Там же. № 49.

и М.П. Куликовых-Маныловских от 22 ноября 1665 г.⁵² Сеньориальный оттенок отношениям зависимости половников от соборного причта придавало то, что оформлялись такие записи на имя протопопа, протодьякона и ключаря, которые назывались «хозяевами»⁵³. О том же говорят и включенные в порядные обязательства: «А как позовут на богородицкие хозяйские зделья ходить, и с конями ездить».

В случае конфликта половников с собором обе стороны могли предъявлять порядную в суде в качестве искового заявления («хто с сею порядною в суде станет, тот по ей и истец»). Центр Богородицкой вотчины располагался на Соборном дворе в пределах старой устюжской крепости, именно туда лучший «приполонный» хлеб привозился половниками на своих лошадях. Поряды совершались обычно на доли деревень (половину, две трети) — как жилых, так и пустых. В последнем случае поряды сопровождалось взятием половниками у протопопа подмоги, которую при выходе следовало вернуть, а иногда и безвозвратной ссуды, которую можно было не возвращать («не в отдачу»). Предоставление денежных ссуд от собора половникам было обусловлено особенно трудоемкими работами по расчистке леса и лесных, кустарниковых зарослей («шипичником и леторослеников»), ограждению полей «вервьем новым», сооружению целого комплекса жилых и хозяйственных построек. Последнее называлось «прирядом», и за отказ от его сооружения половниками в порядных предусматривались штрафные санкции.

В наиболее ранней порядной, от 29 октября 1599 г., оговаривался вопрос о государственных налогах, которые половниками не выплачивались: «А дань и оброк и всякие государевы розметы ватаманские платить протопопу с братьею мимо половника»⁵⁴. Некоторые интонации порядных (особенно «послушные» мотивы) находят полные аналогии в современных им записях, например, Спасо-Прилуцкого монастыря (на его Тотемских соляных промыслах), Троице-Гледенского (в Устюжском у.) и Николо-Коряжемского монастыря в соседнем Сольвычегодском уезде⁵⁵: «...И как позовет протопоп з братией на зделье церковное, и нам, половникам, ходить без ослушания... и во всем их, протопопа з братией слушать и не огурытца, и воровских людей у себя не держати, и самим никаким воровством не воровать» (1677 г.)⁵⁶. Запрещались также азартные игры (в кости и карты), предусматривались меры противопожарной безопасности — с огнем и лучиной в вечернее и ночное время по двору к скотине не ходить и вообще «жить с великим береженьем». Половники должны были также

⁵² РИБ. Т. XII. № 41.

⁵³ Там же. №№ 12, 41, 53, 54, 67, 81.

⁵⁴ Там же. № 12.

⁵⁵ Вологодский гос. историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Сектор письменных источников. Ф. 4 (Николо-Коряжемский монастырь). Оп. 1. № 36, 57, 64, 69, 76, 79-82, 92, 93 и мн. др.

⁵⁶ РИБ. Т. XII. № 67.

предоставлять своих лошадей, если ключарю «с товарищи» случалось куда-то ехать.

О наследственной закрепляемости соборного духовенства говорит тот факт, что после умершего протопопа Василия Кондратьевича в 1644 г. известен соборный поп, его сын Юрий⁵⁷. Именование на «-вич» и наличие собственной печати, несомненно, подчеркивало его привилегированный социальный статус. Приобщение детей к отцовской службе в соборе могло начинаться с писарской работы: «советную и уложенную» память протопопа Василия и ключаря Афанасия 1622 г. писал Куземка Афанасьев сын Ключарев. Из семей соборных ключарей происходили городские и митрополичьи дьяки и подьячие⁵⁸.

Главными персонами в управлении Успенской соборной церковью были, согласно этой памяти, протопоп и ключарь. Отрасли церковного управления делились на три «ключа»: коробейный, сундучный («ящик денежный») и палатный. Первые два ведались протопопом и относились к регулярному составлению текущей хозяйственной документации, хранению государевых жалованных грамот, всяких церковных и «вотчинных писем». Ценная утварь также делилась между ними: в советной памяти отмечены «ризница протопопова» и «новая ризница ключарская». Ризницу образовывали, скорее всего, ценные вклады — «кузнь прикладная». Ключарь занимался покупками всего необходимого, вел счет расходов и составлял расходные книги, ежегодно предоставляемые на проверку протопопу. Денежный приход же ведали они оба, «совет о всем меж себя держа». И хотя приходные книги велись протопопом, ключарь прикладывал к ним руку⁵⁹.

В богомольной грамоте Ростовского митрополита Варлама 1624 г. церковная организация на Устюге представлена архимандритией Михайло-Архангельского монастыря, протопопией Успенской соборной церкви, а также градскими и уездными игуменами, попами и дьяконами⁶⁰. Для второй половины XVII в. имеются разнообразные данные о роли соборного духовенства Устюга в административно-судебной организации Ростовской митрополии: протопоп с братией вместе с черным духовенством города (архимандритом Михайло-Архангельского монастыря, игуменами Троице-Гледенского, Иоанно-Предтеченского, Троице-Телегова, Николо-Прилуцкого монастырей) исполняли важные функции церковного суда. На имя соборного протопопа и ключаря подавались явочные челобитные от гражданского населения⁶¹. Иногда в явках, наряду с «соборьями»,

---

⁵⁷ РИБ. Т. XII. № 49.

⁵⁸ Попов А. Описание церкви св. правед. Иоанна Устюжского. С. 43 (дьяк ростовского митрополита Ияков Ключарев), с. 58 (воеводский подьячий Иван Ключарев).

⁵⁹ РИБ. Т. XII. № 25.

⁶⁰ ААЭ. СПб., 1836. Т. 3. № 157.

⁶¹ РИБ. Т. XXV. СПб., 1908. № 1-251.

одновременно в качестве адресатов фигурировали и земские судейки, что свидетельствует об известной переплетенности гражданского и церковного правосудия.

Называясь «митрополичьими приказными», участники судебной коллегии обладали печатями для заверения выдаваемых документов и освидетельствования («явки») духовных грамот посадских людей и крестьян. За 1665-1666 гг. сохранилась записная книга троицкого игумена Афанасия и соборного протопопа Владимира Никитина «с наказных и с свидетелствованных духовных дел и с судных дел и пенным денгам»⁶². Пошлины за вступление духовных завещаний в силу зависели от размеров передаваемого по наследству имущества (количества хлеба и денег) и деревенской оценки «пожитков» умершего. С рубля денежной суммы завещания (она называлась «взяткой»⁶³) взимались 2 алт. 2 деньги. Кроме того, платились «печатные» (пол-полтины), митрополичьим подьячим (1 алт.), истопникам и «подвойским» (4 деньги), иногда — казначею (полтина) и дворецкому (рубель), «почести» приказным (8 алт. 2 ден.)⁶⁴. Налицо корпоративный характер присвоения денежных средств в рамках Ростовской митрополии в результате реализации ее агентами на местах и в резиденции владыки прерогатив духовного суда и управления. Весьма плодотворными оказываются наблюдения Г.П. Енина над системным характером феномена кормления в России XV-XVII вв. на различных уровнях дворцового, приказного, церковного управления⁶⁵.

Еще одна важная функция соборного духовенства состояла в освящении новопостроенных или восстанавливаемых храмов города и северных уездов Ростовской епархии. Антиминсы же для них брались у соборных протопопов в самом Ростове⁶⁶.

⁶² ГАВО. Ф. 883 (Краеведы И.Н. и Н.И. Суворовы). Оп. 1. Кн. 245. Подробнее см.: Черкасова М.С. К изучению дело- и судопроизводства в Ростовской митрополии в XVII в. // ИКРЗ, 2007. Ростов, 2008. С. 103-111.

⁶³ У Вл. Даля «взятка» определяется как приношения, дары, поборы, гостинцы, плата или подарок должностному лицу (Даль Вл. Словарь... М., 1978. Т. 1. С. 197).

⁶⁴ ГАВО. Ф. 883. Оп. 1. Кн. 245. Л. 3 об., 5 об.

⁶⁵ Енин Г.П. Кормление церковного аппарата управления в XVI-XVII вв. и система кормлений // Русская религиозность: Проблемы изучения ... С. 121-128.

⁶⁶ ОР РГБ. Ф. 353 (Архангельское собрание). № 1.4; Попов А. Описание церквей св. правед. Иоанна Устюжского. С. 41-42, 45, 54-58; Черкасова М.С. К изучению церковного строительства в Ростовской митрополии в XVI-XVII вв. // СРМ. Вып. XV. Ростов, 2005. С. 144-145.